

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

Уилки
КОЛЛИНЗ

Лунный камень

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К60

William Wilkie Collins
THE MOONSTONE

Перевод с английского *Мариэтты Шагинян*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Фредерика Гудолла*

Коллинз, Уилки.
К60 Лунный камень / Уилки Коллинз ; [перевод с английского
М. Шагинян]. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. — (Всемирная
литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-173066-6

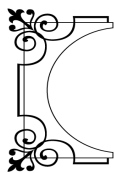
Идеи и сюжетные ходы Уилки Коллинза из романа «Лунный камень» использовали Конан Дойл, Гилберт Честертон, Агата Кристи, многое стало классикой для детективного жанра.

Индуистский бог Вишну повелел, чтобы «Лунный камень» охранялся тремя жрецами день и ночь, до скончания века», и предсказал несчастье тому, кто осмелится им завладеть. Захватывающее продолжение истории — в самом первом и самом лучшем, по словам Томаса Элиота, детективном романе английской литературы.

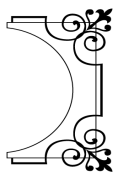
УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-173066-6

© Шагинян М., перевод на русский язык.
Наследники, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ
ШТУРМ СЕРИНГАПАТАМА
1799

Письмо из фамильного архива

I

Я пишу эти строки из Индии к моим родственникам в Англию, чтобы объяснить, почему я отказал в дружеском рукопожатии кузену моему, Джону Гернкастлю. Молчание мое по этому поводу было ложно истолковано членами нашего семейства, доброго мнения которых я не хочу лишиться. Прошу их отложить свои выводы до тех пор, покада они не прочтут мой рассказ. Даю честное слово, что напишу строгую и безусловную истину.

Тайное разногласие между мной и моим кузеном возникло во время великого события, в котором участвовали мы оба, — штурм Серингапатама под командованием генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Для того чтобы обстоятельства были вполне понятны, я должен обратиться к периоду, предшествовавшему осаде, и к рассказам, ходившим в нашем лагере, о драгоценных камнях и горах золота, хранившихся в серингапатамском дворце.

II

Один из самых невероятных рассказов относится к желтому алмазу — вещи, знаменитой в летописях Индии.

Стариннейшее из преданий гласит, что камень этот украшал чело четверорукого индийского бога Луны.

Отчасти по своему особенному цвету, отчасти из-за легенды — будто камень этот подчиняется влиянию украшаемого им божества и блеск его увеличивается и уменьшается с полнолунием и с ущербом луны — он получил название, под которым и до сих пор известен в Индии, — Лунного камня. Я слышал, что подобное суеверие некогда имело место и в Древней Греции, и в Риме, относясь, однако же, не к алмазу, посвященному божеству (как в Индии), а к полупрозрачному камню низшего разряда, подверженному влиянию луны и точно так же получившему от нее свое название, под которым он и доныне известен минералагам нашего времени.

Приключения желтого алмаза начинаются с одиннадцатого столетия нашей эры.

В ту эпоху магометанский завоеватель Махмуд Газни вторгся в Индию, овладел священным городом Сомнатх и захватил сокровища знаменитого храма, несколько столетий привлекавшего индийских богомольцев и почитавшегося чудом Востока.

Из всех божеств, которым поклонялись в этом храме, один бог Луны избег алчности магометанских победителей. Охраняемый тремя браминами, неоскверненный идол с желтым алмазом во лбу был унесен и переправлен во второй по значению священный город Индии — Бенарес.

Там, в новом капище — в чертоге, украшенном драгоценными камнями, под сводами, покоящимися на золотых колоннах, был помещен бог Луны, ставший вновь предметом поклонения. В ночь, когда капище было достроено, Вишну-Зиждитель явился во сне трем браминам. Он вдохнул свое дыхание в алмаз, украшавший чело идола, и брамины пали перед ним на колена и закрыли лицо одеждой. Вишну повелел, чтобы Лунный камень охранялся тремя жрецами день и ночь, до скончания века. Брамины преклонились перед божественной волей. Вишну предсказал несчастье тому дерзновенному, кто осмелится завладеть священным камнем, и всем его потомкам, к которым камень перейдет после него. Брамины велели записать это предсказание на вратах святилища золотыми буквами.

Век проходил за веком, и из поколения в поколение преемники трех браминов день и ночь охраняли драгоценный Лунный камень. Век проходил за веком, пока в начале восемнадцатого столетия нашей эры не воцарился Аурангзеб, из династии Великих Моголов. По его приказу храмы поклонников Браммы были снова преданы грабежу и разорению, капище четверорукого бога осквернено умерщвлением священных животных, идола разбиты на куски, а Лунный камень похищен одним из военачальников Аурангзеба.

Не будучи в состоянии возратить свое потерянное сокровище силой, три жреца-хранителя, переодевшись, следили за ним. Одно поколение сменялось другим; воин, совершивший святотатство, погиб ужасной смертью. Лунный камень переходил, принося с собой проклятие, от одного незаконного владельца к другому, и, несмотря на все случайности и перемены, преемники трех жрецов-хранителей продолжали следить за своим сокровищем, в ожидании того дня, когда воля Вишну-Зиждителя возвратит им их священный камень. Так продолжалось до последнего года восемнадцатого столетия. Алмаз перешел во владение Типпу, серингапатамского султана, который вделал его как украшение в рукоятку своего кинжала и хранил среди драгоценнейших сокровищ своей оружейной палаты. Даже тогда — в самом дворце султана — три жреца-хранителя тайно продолжали охранять алмаз. В свите Типпу находились три чужеземца, заслужившие доверие своего властелина, перейдя (может быть, притворно) в магометанскую веру; по слухам, это-то и были переодетые жрецы.

III

Так рассказывали в нашем лагере фантастическую историю Лунного камня. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого из нас, кроме моего кузена, — любовь к чудесному заставила его поверить этой легенде. В ночь перед штурмом Серингапатама он самым нелепым образом рассердился на меня и на других за то, что мы называли ее басней. Возник глупейший спор, и злосчастный Гернкастль вышел

из себя. Со свойственной ему хвастливостью он объявил, что если английская армия возьмет Серингапатам, то мы увидим алмаз на его пальце. Громкий хохот встретил эту выходку, и тем дело и кончилось, как думали мы все.

Теперь позвольте мне вернуться ко дню штурма.

Кузен мой и я были разлучены при самом начале приступа. Я не видел его, когда мы переправлялись через реку; не видел его, когда мы водрузили английское знамя на первом проломе; не видел его, когда мы перешли через ров и, завоевывая каждый шаг, вошли в город. Только в сумерки, когда город был уже наш и генерал Бэрд сам нашел труп Типпу под кучей убитых, я встретился с Гернкастлем.

Мы оба были прикомандированы к отряду, посланному, по приказанию генерала, остановить грабежи и беспорядки, следовавшие за нашей победой. Солдаты предавались страшным бесчинствам, и, что еще хуже, они пробрались в кладовые дворца и разграбили золото и драгоценные камни. Я встретился с моим кузеном на дворе перед кладовыми, куда мы пришли для того, чтобы водворить дисциплину среди наших солдат. Я сразу увидел, что пылкий Гернкастль до крайности возбужден ужасной резней, в которой нам пришлось принять участие. По моему мнению, он был не способен выполнить свою обязанность.

В кладовых было много смятения и суматохи, но насилия я еще не видел. Солдаты бесславили себя очень мирно, если можно так выразиться. Стоило грабежу утихнуть в одном месте, как клич: «А кто нашел Лунный камень?» — заставлял его вспыхнуть в другом месте. Пока я тщетно старался восстановить порядок, слышался страшный вопль на противоположном конце двора, и я тотчас побежал туда, опасаясь какого-нибудь нового бесчинства.

Я подошел к открытой двери и наткнулся на тела двух мертвых индусов, лежащие на пороге. (По одежде я узнал в них дворцовых офицеров.)

Раздавшийся снова крик заставил меня поспешить в помещение, которое оказалось оружейной палатой. Третий индус, смертельно раненный, бился в предсмертной судороге у ног человека, стоявшего ко мне спиной. Человек этот обернулся в

ту минуту, когда я входил, и я увидел Джона Гернкастля с факелом в одной руке и с окровавленным кинжалом — в другой. Когда он повернулся ко мне, камень, вделанный в рукоятку кинжала, сверкнул, как огненная искра. Умиравший индус поднялся на колени, указал на кинжал в руках Гернкастля и, прохрипев на своем родном языке: «Проклятие Лунного камня на тебе и твоих потомках!» — упал мертвый на землю.

Прежде чем я успел что-нибудь сделать, солдаты, следовавшие за мной, вбежали в палату. Кузен мой как сумасшедший бросился к ним навстречу.

— Очистите помещение, — закричал он мне, — и поставьте у дверей караул!

Когда Гернкастль бросился на солдат с факелом и кинжалом, они отступили. Я поставил двух верных людей из моего отряда на часы у дверей. Всю остальную часть ночи я уже не встречался с моим кузеном.

Рано утром грабеж все еще продолжался, и генерал Бэрд публично объявил, что всякий вор, пойманный на месте преступления, кто бы он ни был, будет повешен. Присутствие начальника военной полиции доказывало, что генерал Бэрд не шутит; и в толпе, слушавшей этот приказ, я снова встретился с Гернкастлем.

Здороваясь, он, по обыкновению, протянул мне руку.

Я не решился подать ему свою.

— Ответьте мне прежде, — сказал я, — кто убил индуса в оружейной палате и что значили его последние слова, когда он указал на кинжал в вашей руке?

— Индус умер, я полагаю, от смертельной раны, — ответил Гернкастль. — А что означали его последние слова, я знаю так же мало, как и вы.

Я пристально посмотрел на него. Ярость, владевшая им накануне, совершенно утихла. Я решил дать ему возможность оправдаться.

— Вы ничего более не имеете сказать мне? — спросил я.

Он отвечал:

— Ничего.

Я повернулся к нему спиной, и с тех пор мы больше не разговаривали друг с другом.

IV

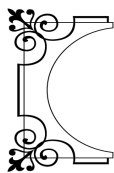
Прошу помнить, что все здесь написанное о моем кузене (если только не встретится необходимость предать эти обстоятельства гласности) предназначается лишь для членов нашей семьи. Гернкастль не сказал ничего такого, что могло бы дать мне повод обратиться к нашему полковому командиру. Моего кузена продолжают поддразнивать алмазом те, кто помнил его бурную вспышку перед штурмом; но он молчит, очевидно не забыв обстоятельства, при которых я застал его в оружейной палате. Носятся слухи, что он намеревается перейти в другой полк — вероятно, для того, чтобы быть подальше от меня.

Правда это или нет, но я не могу стать его обвинителем по весьма основательной причине. Если я оглашу все вышенаписанное, у меня не будет никаких доказательств, кроме внутренней убежденности. Я не только не могу доказать, что он убил двух индусов, стоявших у дверей, я не могу даже утверждать, что он убил третьего, внутри помещения, — потому что не видел этого собственными глазами.

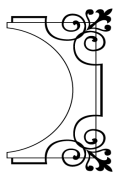
Правда, я слышал слова умирающего индуса, но, если мне возражат, что они были предсмертным бредом, как я могу это опровергнуть? Пусть наши родственники с той и другой стороны сами составят себе мнение обо всем вышесказанном и решат, основательно или нет отвращение, которое я и ныне испытываю к этому человеку.

Хоть я не верю фантастической индийской легенде об алмазе, но должен сознаться, что и сам не свободен от некоторого суеверия. Убеждение это или обманчивый домысел — все равно я полагаю, что преступление влечет за собой кару. Я не только уверен в виновности Гернкастля, но и не сомневаюсь, что он пожалеет, если оставил алмаз у себя, и что другие тоже пожалеют, взяв этот алмаз, если он отдаст его им.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРОПАЖА АЛМАЗА
1848

*События, рассказанные
Габриэлем Беттереджем, дворецким
леди Джулии Вериндер*

Глава I

Раскройте первую часть «Робинзона Крузо» на странице сто двадцать девятой, и вы найдете следующие слова:

«Теперь я вижу, хотя слишком поздно, как безрассудно предпринимать какое-нибудь дело, не рассчитав все его издержки и не рассудив, по нашим ли оно силам».

Не далее как вчера раскрыл я моего «Робинзона Крузо» на этом самом месте. А уже сегодня утром, 21 мая 1850 года, пришел ко мне племянник миледи, мистер Фрэнклин Блэк, и завел со мною такой разговор.

— Беттередж, — сказал мистер Фрэнклин, — я был у вашего адвоката по поводу некоторых семейных дел, и, между прочим, мы заговорили о пропаже индийского алмаза, случившейся в доме тетки моей в Йоркшире. Адвокат полагает, так же как и я, что всю эту историю следовало бы записать в интересах истины, и чем скорее, тем лучше.

Не понимая еще его намерения и считая, что ради мира и спокойствия всегда следует быть на стороне адвоката, я сказал, что и я думаю точно так же.

Мистер Фрэнклин продолжал:

— Как вам известно, пропажа алмаза уже бросила тень подозрения на репутацию невинных людей. Память невинных может пострадать и впоследствии, по недостатку письменных фактов, к которым могли бы прибегнуть те, кто

будет жить после нас. Нет сомнения, что эту нашу странную семейную историю следует рассказать, и, мне кажется, Беттередж, мы с адвокатом придумали правильный способ, как это сделать.

Без всякого сомнения, они придумали прекрасно, но я еще не понимал, какое отношение имеет все это ко мне.

— Нам надо рассказать известные события, — продолжал мистер Фрэнклин. — Есть люди, причастные к этим событиям и способные последовательно передать их. Вот почему адвокат думает, что мы все должны написать историю Лунного камня поочередно — насколько простирается наша личная осведомленность, и не более. Мы должны начать с того, каким образом алмаз попал в руки моего дяди Гернкастля, когда он служил в Индии пятьдесят лет тому назад. Такой вступительный рассказ уже имеется — это старая фамильная рукопись, в которой очевидец излагает все существенные подробности. Потом следует рассказать, каким образом алмаз попал в дом моей тетки в Йоркшире два года назад и как он исчез через двенадцать часов после этого. Никто не знает лучше вас, Беттередж, что произошло в то время в доме. Следовательно, вы и должны взять перо в руки и начать рассказ.

Вот в таких-то выражениях сообщили мне, какое участие должен я принять в изложенной истории с алмазом. Если вам любопытно узнать, как я поступил в этих обстоятельствах, то позвольте сообщить вам, что я сделал то, что, вероятно, вы сами сделали бы на моем месте. Я скромно заявил, что подобная задача мне не по силам, а сам подумал, что уж сумею-то я сумею, если только дам себе развернуться. Кажется, мистер Фрэнклин прочитал мои тайные мысли у меня на лице. Он не захотел поверить моей скромности и настоял на том, чтобы я дал себе как следует развернуться.

Прошло два часа, как мистер Фрэнклин меня оставил. Не успел он повернуться ко мне спиной, как я уже направился к своему письменному столу, чтобы начать рассказ. И вот я сижу, беспомощный, несмотря на все свои способности, и все более убеждаюсь, подобно вышеупомянутому

Робинзону Крузо, что неразумно приниматься за какое-нибудь дело, прежде чем не высчитаешь его издержки и прежде чем не рассудишь, по силам ли оно тебе. Прошу вас, обратите внимание, что я случайно раскрыл книгу как раз на этом месте накануне того дня, когда так опрометчиво согласился приняться за дело, которое теперь у меня на руках. И позвольте спросить: неужели это не было предсказанием?

Я не суеверен; я прочел множество книг за свою жизнь; я, можно сказать, ученый в своем роде. Хотя мне минуло семьдесят, память у меня крепкая и ноги тоже. Таким образом, мое мнение — отнюдь не мнение невежды, а я считаю, что книги, подобной «Робинзону Крузо», никогда не было и не будет написано. Много лет обращался я к этой книге — обыкновенно в минуты, когда покуривал трубку, — и она была мне верным другом и советчиком во всех трудностях этой земной юдоли. В дурном ли я расположении духа — иду к «Робинзону Крузо». Нужен ли мне совет — к «Робинзону Крузо». В былые времена, когда жена чересчур надоест мне, и по сей час, когда чересчур приналягу на стаканчик, — опять к «Робинзону Крузо». Я истрепал шесть новеньких «Робинзонов Крузо» на своем веку. В последний день своего рождения миледи подарила мне седьмой экземпляр. Тогда я по этому поводу хлебнул лишнего, и «Робинзон Крузо» опять привел меня в порядок. Стоит он четыре шиллинга шесть пенсов в голубом переплете, да еще картинка в придачу.

А ведь это как будто не похоже на начало истории об алмазе? Я словно брожу да ищу бог знает чего, бог знает где. Мы, с вашего позволения, возьмем новый лист бумаги и начнем сызнова с моим нижайшим почтением.

Глава II

Я упомянул о миледи несколькими строками выше. Пропавшему алмазу никогда бы не бывать в нашем доме, если бы он не был подарен дочери миледи; а дочь миледи не могла бы получить этого подарка, если б миледи в

страданиях и муках не произвела ее на свет. Но, если мы начнем с миледи, нам придется начать издалека, а это, позвольте мне сказать вам, когда у вас на руках такое дело, как у меня, служит большим утешением.

Если вы хоть сколько-нибудь знаете большой свет, вы, наверное, слышали о трех прелестных мисс Гернкастль: мисс Аделаиде, мисс Каролине и мисс Джулии — младшей и самой лучшей из трех сестер, по моему мнению, а у меня была возможность судить, как вы сейчас убедитесь. Я поступил в услужение к старому лорду, их отцу (слава богу, он не имеет никакого отношения к истории с алмазом; я никогда не встречал ни в высшем, ни в низшем сословии человека с таким длинным языком и с таким бешеным характером), — я поступил к старому лорду, говорю я, пажем к трем благородным дочерям его, когда мне было пятнадцать лет. Там жил я, пока мисс Джулия не вышла за покойного сэра Джона Вериндера. Превосходный был человек, только нужно было, чтобы *кто-нибудь* управлял им, и, между нами, он нашел *кого-то*; он растолстел, повеселел и жил счастливо и благоденствовал с того самого дня, как миледи повезла его в церковь венчаться, до того дня, когда она приняла его последний вздох и закрыла ему глаза навсегда.

Забыл сказать, что я переселился с новобрачной в дом ее мужа и в его поместье.

«Сэр Джон, — сказала она, — я не могу обойтись без Габриэля Беттереджа».

«Миледи, — отвечал сэр Джон, — я также не могу без него обойтись».

Таким образом он говорил с ней всегда — так именно я и попал к нему в услужение. Мне было все равно, куда ни ехать, только бы не расставаться с моей госпожой.

Видя, что миледи интересуется хозяйством, фермой и тому подобным, я сам начал этим интересоваться, — тем более что был седьмым сыном бедного фермера. Миледи отдала меня в помощники к управляющему, я старался изо всех сил и получил повышение. Несколько лет спустя, в понедельник, если не ошибаюсь, миледи говорит мужу:

«Сэр Джон, твой управляющий глупый старик. Дай ему хорошую пенсию и вместо него назначь Габриэля Беттереджа».

Во вторник сэр Джон отвечает ей:

«Миледи, управляющий получил хорошую пенсию, а Габриэль Беттередж получил его место».

Вы слышали много раз о супругах, живущих несчастливо. Вот пример, совершенно противоположный. Пусть он будет предостережением для некоторых и поощрением для других. А я тем временем буду продолжать свой рассказ.

Вы скажете, что я зажил припеваючи. Я занимал ответственное и почетное место, имел свой собственный коттедж, утром объезжал поместья, днем составлял отчет, вечером курил трубку и читал «Робинзона Крузо», — чего еще мог я желать, для того чтобы считать себя счастливым? Вспомните, чего недоставало Адаму, когда он жил один в раю, и если вы не осуждаете Адама, то не осуждайте и меня.

Женщина, на которой я остановил свое внимание, занималась хозяйством в моем коттедже. Звали ее Селина Гоби. Я согласен с покойным Уильямом Коббетом относительно выбора жены. Смотрите, чтобы женщина хорошо пережевывала пищу и имела твердую походку, — и вы не сделаете ошибки. У Селины Гоби было все как следует и в том и в другом отношении, и это было одной из причин, почему я женился на ней. Было у меня и другое основание, до которого я додумался. Когда она была не замужем, я должен был платить ей жалованье и содержать ее. Сделавшись моей женой, Селина должна была служить мне даром. Вот с какой точки зрения я посмотрел на это. Экономия с примесью любви. Я изложил это миледи надлежащим образом, так, как излагал самому себе.

«Я думал о Селине Гоби, — сказал я, — и мне кажется, миледи, что мне будет дешевле жениться на ней, чем содержать ее в услужении».

Миледи расхохоталась и ответила, что не знает, чем ей больше возмущаться: моим ли способом выражаться или моими правилами. Я полагаю, ей это показалось смешным по причине, которой вы понять не можете, если вы